ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Р. А. Соколов

АЛЕКСАНДР. НЕВСКАЯ БИТВА (режиссер Игорь Каленов, «Никола-фильм», 2008). Комментарий-послесловие к фильму

«Можешь не писать — не пиши». Как часто приходилось мне произносить эту фразу с укором самому себе. Действительно, часто ли случается так, что статья выходит из-под пера не в связи с научной актуальностью и значимостью рассмотренной в ней проблемы, не под заказ, а по зову сердца? Иными словами, часто ли историку приходится составлять некий текст не в силу профессиональных обязанностей, дескать, работа у нас такая: сиди-пиши что-нибудь, а потому, что желание поделиться с кем-то своими чувствами перевешивает все остальное и сдержаться нет сил: ноги сами несут к компьютеру, и пальцы как будто помимо воли выстукивают дробь по клавиатуре.

Подобные чувства, в общем-то, ему несвойственные, испытал автор этих строк после просмотра художественного фильма «Александр. Невская битва» (2008). При этом хотелось бы сразу сказать, что читатель будет напрасно искать вслед за таким «лирическим» началом рецензии призывов грома и молнии на головы создателей картины, или, напротив, потоков хвалебного елея. Вообще, все эмоции не будут простираться дальше введения, и все же для начала нужно остановиться и на этой составляющей впечатлений от просмотра фильма, — тем более, что эти впечатления вполне могут разделять многие представители моего поколения, имевшие неосторожность появиться на свет во второй половине 60 — первой половине 70-х гг., накануне великой демократической смуты, и отказавшиеся в лихие девяностые «выбирать пепси» — бежать за навязанной американцами мечтой-пустышкой.

До сих пор в моей памяти свежо воспоминание ожидания первого просмотра фильма С. Эйзенштейна «Александр Невский». Мне уже пять лет, я знаю немало о подвигах Ярославича (помогла детская книжка о князе, которую десятки раз читал мне на ночь отец). Я уже видел место Невской битвы (благо жили мы неподалеку от него, в Усть-Ижоре), и меня очень удивляло отсутствие монументов на нем. Сам фильм 1938 г. показался мне просто замечательным, единственным разочарованием было то, что хронологически он не охватывал события 1240 г., но на фоне общего восторженного впечатления это не имело особенного значения. С годами мнение о картине С. Эйзенштейна как о шедевре только усиливалось. Безусловно, так или иначе, любой фильм об Александре Невском обречен на постоянные сопоставления с тем, первым, но едва ли это будет в полной степени правомерным. Ведь С. Эйзенштейн творил в другое время, в другой стране, для другого зрителя. Потому любые аналогии априори будут ущербными, и в настоящей рецензии я постараюсь сознательно уходить от каких-либо сравнений и сопоставлений.

© Р. А. Соколов, 2009

Впрочем, теперь самое время объявить «вечер воспоминаний» закрытым и перейти к содержательной части, а именно, к рассмотрению сюжета и содержания фильма «Александр. Невская битва». Сразу хотел бы оговориться, что я не ставлю себе задачей проанализировать детали батальных сцен, правильность реконструкций сражений, поскольку не являюсь в данной области достаточно компетентным, и потому предоставляю сделать это более подготовленным специалистам. Больше всего меня заинтересовала событийная сторона сценария. Насколько она соответствует реальному историческому процессу? На этот вопрос мы и попытаемся ответить, отбросив в сторону лирику.

***

Фильм предваряет краткий монолог прибывающего на Новгородскую землю ливонского магистра Андреаса фон Вильвена, рассуждающего о причинах поездки в далекую Русь, которую он якобы совершил в 1239 г. Однако, прежде чем приступить к анализу его высказываний, разберемся с тем, мог ли фон Вильвен вообще оказаться в этом месте в это время.

В Житии Александра Невского, памятнике, составленном вскоре после смерти князя (историки полагают, что Житие было создано либо в 60-х гг. XIII в. (В. А. Кучкин), либо в 80-х гг. того же столетия (Ю. К. Бегунов)), имеется сообщение о прибытии на Русь некоего Андрияша, который, если верить автору повествования, горел желанием лично познакомиться с юным князем, проявившем множество талантов уже в детском возрасте. «И сего ради некто силенъ от Западныя страны, иже нарицаются слугы Божия, от тех прииде, хотя видети дивный възрастъ его, яко же древле царица Ужская приходи к Соломону, хотящи слышати премудрость его. Тако и сей, именемъ Андреяшь, видевъ князя Олександра и, възвратися къ своим, рече: “Прошед страны и языки, не видехъ таковаго ни въ царехъ царя, ни въ князехъ князя”» [8. С. 191].

Нужно признать, что мотив для подобной поездки, предложенный агиографом, мягко говоря, малоправдоподобен. Потому и сам визит представлялся весьма маловероятным [28. С. 155, прим. 39]. Однако нечто подобное все же вполне могло иметь место. Андрияшем мог быть тот самый ливонский вице-магистр Андреас фон Вильвен [16. С. 56; 13. С. 22; 14. С. 134]. Таким образом, присутствие данного персонажа в фильме волне оправдано.

Другое дело, что визит, скорее всего, имел место не «в лето Господне 1239-е», как повествует голос магистра за кадром, а несколько раньше, до 1236 г. включительно. Именно в тот период готовился поход Ордена против литовских племен, немцы нуждались в помощи, и попытаться получить ее от Новгорода было вполне разумным шагом. Поход имел место в 1236 г. Рыцари оказались наголову разбиты. Новгородцы предпочли не вмешиваться в конфликт, но псковичи сражались в одних рядах с орденскими братьями и в полной мере разделили горечь страшного поражения: лишь каждый десятый из них вернулся домой... [21. С. 74, 285 (под 6745 г.)] (С В. А. Кучкиным по данному вопросу, опираясь на выводы Е. Л. Назаровой, полемизирует А. В. Валеров [4. С. 167; 19. С. 195–196].)

При этом едва ли можно совершенно отвергнуть вложенные создателями фильма в уста Андреаса фон Вильвена слова о том, что целью его миссии являлось «тайное наблюдение». Одно другому не мешает. Во все времена дипломаты сочетали ведение переговоров и решение конкретных задач с разведывательной деятельностью. Потому утверждение все того же голоса за кадром, согласно которому «Орден привлекала обширная территория от Балтийского моря до гор Урала — княжество Новгородское», вполне обосновано. Но подчеркнем еще раз гипотетичность такого предположения по отношению к конкретному лицу — Андреасу фон Вильвену, о коварных мыслях которого

в источнике — Житие — речи нет. При этом «другом» Руси Андреас фон Вильвен, разумеется, не являлся, в 1242 г. именно он поведет в бой немецких рыцарей на льду Чудского озера [2], но это будет позже, через три года.

Вероятно, необходимость скомпоновать сюжет заставила «подтянуть» к 1239 г. события, произошедшие чуть раньше. Впрочем, все это производит впечатление не более чем некоторой, допустимой в художественном фильме, погрешности. Справедливо и акцентирование внимания на желании Ордена «создать влияние в этих краях, диких и непокорных». Действительно, к 1239 г., после пережитого в 1237–1238 гг. Северо-Восточной Русью жестокого разорения, воинственные соседи оставшегося в стороне от похода Батыя Новгорода должны были не столько искать в нем союзника, сколько думать о том, как использовать сложившуюся ситуацию в своих целях более радикальным образом. Впрочем, подробнее об этом будет сказано ниже. Таким образом, фон Вильвен выступил здесь, если можно так выразиться, жертвой: о нем известно, что он посещал князя, потому на его долю в фильме и выпала роль главного непосредственного организатора последовавшего затем нападения Швеции и Ордена на Новгородские земли.

Впрочем, вернемся к рассмотрению сюжета. Далее следует сцена нападения на магистра и его спутников «лихих людей». Комментировать здесь что-либо излишне. Все это — разбой на дорогах, случайное появление и помощь князя, охотившегося неподалеку, — все это вполне могло произойти в действительности (а могло и не происходить, одним словом, художественный вымысел). После того как нападение было отбито и опасность миновала, зритель получает возможность убедиться, что сценарист подробно ознакомился с текстом Жития Александра. Во всяком случае, на это явно указывает диалог Александра со спасенным вице-магистром, текст которого переплетается с приведенным выше отрывком из агиографического источника:

— Я много про тебя слышал, князь Александр. Хотел сам познакомиться.
— Ну и чего сказывают?
— Говорят, что весьма чудный ты, князь, и мудр не по годам. Вот решил сам поглядеть...
— Как царица Савская на Соломона? Ну вот и поглядел!

В сцене беседы магистра и князя в княжеском тереме в Новгороде Андреас фон Вильвен развивает эту тему: «В странствиях своих всем расскажу, что прошел я много стран и видел многих царей и князей, но не встречал подобного тебе ни красотой, ни смелостью, ни мудростью, ни среди князей, ни среди царей. В целом свете нет такого, как ты, новгородский князь Александр Ярославич». Как видим, здесь снова можно наблюдать связь со словами Жития, хотя при этом краски все же несколько сгущены: слишком уж восторгается рыцарь достоинствами новгородского правителя. Видимо, это необходимо для того, что бы подчеркнуть коварство магистра, о котором в Житии речи нет.

Затем зритель становится свидетелем секретного свидания с предателями-боярами, которое проходит в некоем довольно обширном подземелье, имеющем, как становится ясно в дальнейшем, разветвленную систему и несколько выходов: на площадь, в храм, за крепостную стену и даже в частные владения бояр и ремесленников. Сразу скажем, что подземелье целиком оставляем на совести режиссера и сценариста, ибо каким образом в Новгороде XIII в. мог оказаться столь просторный «подвал», напоминающий высокими каменными сводами чуть ли не станцию метрополитена, для нас совершенно не понятно. Вероятно, подобного рода декорации понадобились лишь для того, что бы подчеркнуть таинственность зреющего заговора, а может быть — его разветвленность. Другое дело, *суть* происходящего на экране.

Наибольшее количество претензий к фильму высказывается по поводу самой возможности версии «заговора», существовании некоей пятой колонны, заинтересованной в союзе с Западом. Предательство со стороны местных бояр играет важную роль в сюжете. Имеются ли основания для подобного подхода? На этот вопрос следует дать утвердительный ответ. Даже после Невской победы в Новгороде возникла «крамола велия», в результате которой Ярославич был вынужден уйти с берегов Волхова, и лишь новая опасность со стороны Ордена заставила новгородцев просить князя вернуться. Более чем вероятно, что эти коллизии были вызваны как раз наличием в городе пронемецкой «партии» [26. С. 144. Ср.: 16. С. 57; 13. С. 25]. Имелись свои сторонники у ливонцев и во Пскове, который был захвачен неприятелем именно с помощью предателей [21. С. 77, 294]. Мотивы предательства, представленные в фильме, вполне логичны: это личный, если угодно, шкурный интерес, связанный с торговыми выгодами некоторых бояр.

Другое дело, что как-то, мягко говоря, не логично выглядит требование заезжего рыцаря к изменникам достать «карту реки Невы, на которой должны быть отмечены все опасные места, если есть пороги, мели, и главное — берег для удачной высадки». Абсолютно непонятно, зачем понадобилась подобного рода информация, если по Неве издавна проходили пути «из варяг в греки» и через Волгу на Восток, прекрасно известные в Европе? Торговые связи Новгорода общеизвестны, но по Неве путешествовали не только торговые люди — купцы. Шведы не раз вторгались в новгородские пределы именно по этой водной артерии. В частности, в 1142 г. новгородский купеческий караван, видимо, недалеко от невского устья столкнулся с шедшим на Русь шведским флотом, который в результате произошедшего сражения был разбит [21. С. 26, 212]. В 1164 г. шведские военные корабли сумели проникнуть к Ладоге, но нападение было вновь отбито, и захватчики, понеся потери, должны были ретироваться [21. С. 31, 218–219]. Таким образом, составление карты, якобы так нужной для организации вторжения, на самом деле, было совершенно ни к чему.

А вот высказанные магистром во время тайной встречи с предателями мысли относительно административного устройства Новгорода после его завоевания более чем реальны: назначение фогтов Орден совершил в покоренном Пскове. Как вполне реально и возмущение подобными планами бояр-изменников, буквально наперебой возражавших фон Вильвену и требовавших найти князя «из Русской земли». Их главный аргумент по этому поводу звучит вполне убедительно и правдоподобно: «наших кровей должон быть, чтоб понятие имел». Управлять любым из русских княжений мог только князь-рюрикович, другого нельзя было и помыслить даже имевшим «охоту» «на западный манер жить» боярам. Имелось, правда, одно исключение, связанное с кратковременным правлением в Галиче боярина Владислава, но это как раз тот случай, когда исключение только лишь подтверждает правило: Владислав был очень скоро смещен. Средство для воплощения этих коварных планов, предложенное боярами Романом Куликом и Алексеем Батковым в ходе следующего, оказавшегося для них роковым, свидания в подземелье, — изгнание князя, тоже достаточно правдоподобно:

> — Народ на вече поднимем.
>
> — За всех не поручусь, но мои люди за мной пойдут. И не один я такой. За каждым боярином черни много душ. Пойдут. А там начнется.
>
> — Охоту имеем на западный манер жить. А князю Александру снова путь укажем, ежели жив останется. Не впервой князей из Новгорода гнать.

Действительно, новгородцы частенько прогоняли неугодных им правителей. Не однажды уходил от них отец Александра Ярослав, да и сам будущий Невский герой еще

в детские годы узнал, что такое новгородская «вольность в князьях». Решение о подобных «отставках» принималось на вече — собрании свободных граждан Новгородской земли. Именно в их руках была вся полнота власти, но, разумеется, наибольшим влиянием и авторитетом пользовались наиболее обеспеченные из них — бояре [27].

Очень скоро о зреющем заговоре становится известно князю. Узнав об измене боярина Романа, Александр тем не менее не может отдать приказ об его аресте и наказании, потому что в его руках нет достаточных улик. «Нельзя в Новгороде без дознания» — эта фраза воспитателя Ярославича Федора Даниловича вполне правомерна. Суд — одна из важнейших прерогатив и обязанностей князя на Руси (не только в Новгороде), причем суд этот должен был праведным, иначе правитель рисковал очень быстро растерять собственный авторитет.

По законам жанра приключенческого фильма, битвы и интриги должны перемежевываться с делами «сердечными». Именно к 1239 г. относит летопись женитьбу Александра Ярославича на дочери Полоцкого князя Брячислава [21. С. 77, 289]. С этим вполне согласуется и сценарий картины, в котором так много внимания уделяется связанным со свадьбой князя событиям. Большинство из них вымышленные (внезапно вспыхнувшая любовь Ратмира к княжне, его ссора с мясником и т. д.), но это художественный вымысел, на который, безусловно, имеют право творческие люди. Но и здесь некоторые исторические детали были учтены.

В частности, обращает внимание фраза молодой жены Ярославича, обращенная к своему супругу: «Ты ж меня в походе приметил, когда на Литву ходил». Действительно, после поражения немцев и сопровождавших их псковичей в 1236 г., о котором шла речь выше, Литва усилилась. В 1239 г. она сумела захватить Смоленск. И хотя отец Александра Ярослав Всеволодович в том же году отбил город, посадив в нем князя Всеволода [20. Стб. 469], угроза новых вторжений по-прежнему являлась достаточно существенной. Для нейтрализации этой опасности и обеспечения обороны западных рубежей Новгородской земли Александр предпринял экстренные меры: «того же лета [1239] князь Александръ с новгородци сруби городци по Шелоне» [21. С. 77, 289]. Потому вполне могло быть так, что Ярославич и, правда, именно в походе против Литвы «заприметил» свою будущую супругу. Полностью соотносится с летописью и то, что после свадьбы в Торопце князь в окружении свиты следует в Новгород, где торжества были продолжены («Оженися князь Олександръ, сынъ Ярославль в Новегороде, поя в Полотьске у Брячислава дчерь, и венчася в Торопчи; ту кашю чини, а в Новегороде другую») [21. С. 77, 289]. Интересно, что супруга Ярославича ни разу на протяжении фильма не названа по имени. Это вполне оправдано: обычно историки говорят о том, что ее звали Александра, но основано это утверждение на весьма спорных данных, почерпнутых из описаний XVI в. и еще более позднего времени надгробий Княгининого монастыря во Владимире.

А вот поверить в то, что новгородцы могли не знать в лицо «сына князя из Торжка», еще более сложно, чем в то, что «сын» этот, не особенно с виду сильный физически, мог в одиночку, с помощью лишь засапожного ножа, зарезать здорового медведя (впрочем, убить косолапого с помощью стрелы, наконечник которой позже обнаружил на свое горе мясник, наверное, тоже проблематично). Тем более что в Торжке в период нашествия татар никакого князя Святослава не было. И уж совсем не ясен путаный рассказ мнимого медвежьего победителя: «Посекли наших татары. Один я остался. Скакал в становище, да на дорогу медведь выскочил…». Однако татары взяли отчаянно сопротивлявшийся Торжок после двухнедельной осады еще в марте 1238 г. [21. С. 76, 288]. Почему после этого нужно было больше года «скакать в становище», остается непонятным.

Меж тем Андреас фон Вильвен, убедившийся в невозможности заставить Русь принять католичество мирными средствами, достиг Швеции. Здесь его целью было скоординировать запланированные удары Ордена и шведского короля Эрика, «честолюбивые рыцари» которого «уже давно поглядывали в сторону соседей воинственным взглядом». Это во многом соответствует исторической действительности, и подобного рода «синхронизация» нападения двух грозных врагов — шведов и немцев — на новгородские приделы, скорее всего, и правда имела место. Однако «работал» над этим проектом не Андреас фон Вильвен, а совершенно другой человек — папский легат Вильгельм Сабинский [28. С. 153–157].

Любопытно, что переговоры проходят в присутствии Ульфа Фаси и Биргера. Ученые-историки предполагают, что именно кто-то из этих двух лиц возглавил впоследствии поход шведов в новгородские приделы, завершившийся битвой в устье Ижоры. Вкратце остановимся на сути полемики по этому вопросу.

Имени предводителя шведов летопись и Первая редакция Жития Александра Невского не называют. В тексте Новгородской Первой летописи содержится лишь сообщение о гибели в сражении воеводы Спиридона и, предположительно («а инии творяху»), одного епископа [21. С. 77].

Еще со времени Н. М. Карамзина для установления личности предводителя похода использовалось так называемое «Рукописание Магнуша, короля Свейского» — нелетописный источник начала XV в. Опираясь на этот памятник, исследователи пришли к заключению, что десант на берег Невы в 1240 г. возглавлял видный шведский деятель середины XIII в. Биргер. Эти выводы опроверг И. П. Шаскольский несколько десятков лет назад, и в последние годы жизни ученый твердо отстаивал свою точку зрения. По его мнению, этот поход возглавлял родственник Биргера ярл Ульф Фаси [28. С. 171–178; 29. С. 140; 30. С. 18–20; 31. С. 65–67].

Воззрения И. П. Шаскольского нашли своих сторонников, и Ульфа Фаси стали называть предводителем шведского отряда [10. С. 25; 24. С. 14]. Но единодушия по этому вопросу пока нет, и некоторые ученые все еще считают командиром экспедиции 1240 г. Биргера [5. С. 353]. А Д. Г. Линд попытался опровергнуть выводы И. П. Шаскольского, указав, что Биргер и не будучи ярлом мог возглавить этот поход [17. С. 52; 26. С. 50, 53] (это соотносится с мнением И. Д. Данилевского об отсутствии ярлов в войске шведов в данной кампании [6. С. 190]). Создатели фильма, по всей видимости, решили не ввязываться в спор по данному вопросу и ввели обоих персонажей — и Ульфа Фаси, и Биргера — в действие фильма; оба персонажа участвуют и в Невской битве, при этом в единоборство с Александром Ярославичем вступил последний из них. Впрочем, это вовсе не оригинальный подход. В науке по этому поводу уже высказывались подобная «компромиссная» точка зрения. В частности, Д. Л. Спивак считает, что и Биргер и Ульф Фаси могли участвовать в походе 1240 г. [25. С. 156–157].

Обращает на себя внимание один момент из беседы Андреаса фон Вильвена и его шведских «коллег». Рассуждая о способностях и талантах Новгородского князя Александра, Ульф Фаси бросает фразу о том, что князь «совсем юн, ему двадцать лет». Действие происходит в 1239 г. То есть в фильме речь идет о том, что Ярославич родился в 1219 г.

Остановимся на этой проблеме подробнее. Точная дата рождения Александра Невского науке не известна. Источники ее не указывают, что не является каким-то экстраординарным фактом для времен средневековья: наши предки не особенно чтили собственный день рождения. Куда важнее почитались именины! Потому-то и здесь возник еще один повод для полемики.

В литературе традиционно указывают на 1220 г. как на год рождения Ярославича, с легкой руки историка XVIII столетия В. Н. Татищева в оборот введен был даже точный день — 30 мая, в который якобы появился на свет князь (интересно, что по странному стечению обстоятельств это одновременно и день рождения Петра Великого, считавшего себя продолжателем дела, начатого Александром Невским). В настоящее время на данную проблему существует другой взгляд, обоснованный В. А. Кучкиным. Исследователь, с одной стороны, проанализировал летописные сообщения о рождении Александра и его старшего брата Федора, а с другой — обратил пристальное внимание на календарное исчисление, использовавшееся в Древней Руси. В результате он пришел к выводу, что Александр родился в мае 1221 г. по современному летоисчислению. Надо отметить, что несмотря на серьезные аргументы В. А. Кучкина о годе рождения Александра Невского, высказанные еще в 1986 г. [15], исследователи «по инерции» продолжают называть 1220 г. временем рождения второго Ярославича [См. наприм.: 1. С. 8; 7. С. 12; 9. С. 29; 23. С. 38].

Таким образом, слова, вложенные в уста Ульфа Фаси относительно возраста Александра, скорее всего, неправильны, и на рубеже 1239–1240 гг. князю было лишь восемнадцать полных лет.

В закончившейся трагической смертью юродивого Якова сцене свадьбы, как и в предыдущей сцене получения Святославом яда для отравления Александра, материала для комментирования не много. Вызывает интерес разве что незначительная деталь в одежде красавицы Дарьи, пытающейся обратить на себя внимание Ратмира, в сердце которого вспыхнула любовь к княгине: височные привески, которые напоминают семилопастные височные кольца вятичей, проживавших гораздо южнее Новгорода, в центре России (район Рязани и Москвы). Для девушки из Великого Новгорода более логичным было бы носить имеющие другую форму ромбощитковые височные кольца, употреблявшиеся женщинами в землях словен ильменских, заселявших как раз берега Волхова. Заметим также попутно, что друг Александра Ратмир — личность историческая, он существовал в действительности, правда, при этом не принадлежал к княжескому роду, как утверждается в одной из сцен, не был князем-изгоем, а являлся слугой Ярославича и нашел героическую смерть в битве на реке Неве.

Свадьба и последующее затем собрание близких к князю людей в горнице с целью поиска человека, покушавшегося на жизнь Ярославича, дают много с точки зрения нравственной характеристики главного героя фильма. На наш взгляд, именно здесь зритель получает возможность познакомиться с характером князя. Как он будет действовать в критической ситуации, когда речь идет об угрозе его жизни? Поддастся ли соблазну решить одним махом проблему преступным, но кажущимся таким верным способом? Гаврило Алексич высказывается по поводу подозреваемого в покушении на Александра виночерпия: «Казнить его надобно, князь. И всех слуг заодно. Наверняка злодей попадется, тогда всю крамолу вмиг изведем!». Но на это последовал решительный ответ: «Если бы все виновные были, а среди них один невиновный, то казнить нельзя!». И в этом ответе весь Александр.

Вернемся, впрочем, к рассмотрению содержания фильма. После сцены семейного объяснения Дарьи с отцом и ее же свидания со столь полюбившемся ей Ратмиром, зритель становится свидетелем аудиенции у Александра послов от Рижского епископа, «папой Римским окормляемым», с предложением «распри былые позабыв» обратиться в католичество. На это предложение следует резкий отказ. Здесь также нетрудно заметить использование сведений из Жития Александра Невского, правда, на сей раз, тексты диалогов героев картины почти не содержат следов влияния источника. Приведем отрывок

из Жития полностью. «Некогда же приидоша къ нему послы от папы, из великаго Рима, ркуще: “Папа нашъ тако глаголет: “Слышахом тя князя честна и славна, и земля твоя велика. Сего ради прислахом к тобе от двоюнадесятъ кординалу два хитрейшая — Галда да и Гемонта, да послушаеши учения ихъ о законе Божий”. Князь же Олександро, здумавъ съ мудреци своими, въсписа к нему и рече: “От Адама до потопа, от патопа до разделения языкъ, от разьмешениа языкъ до начяла Авраамля, от Авраама до проитиа Иисраиля сквозе Чермное море, от исхода сыновъ Иисраилевъ до умертвия Давыда царя, от начала царствия Соломоня до Августа царя, от начала Августа и до Христова Рожества, от Рожества Христова до Страсти и Воскресения Господня, от Въскресения же его и до Возшествия на небеса, от Възшествиа на небеса до царства Константинова, от начала царства Константинова до перваго собора, от перваго собора до седмаго — сии вся добре съведаемъ, а от вас учения не приемлем”. Они же възвратишася въсвояси» [8. С. 194].

Не останавливаясь подробно на событиях, связанных с активными попытками дипломатических ухищрений склонить Русь к принятию католичества, подчеркнем, что историки относят их к более позднему периоду, когда военные попытки завоевания Новгорода, лишенного реальной поддержки от разоренного Северо-Востока, окончательно провалились. Особенно настойчивым становится дипломатический зондаж «русской почвы» во время понтификата Иннокентия IV [18. С. 59]. Римский папа даже отправил Александру два послания — буллы в 1248 г. [22. С. 104]. Таким образом, перед нами еще одна хронологическая натяжка, цель которой опять-таки «притянуть» все к 1239–1240 гг. Но опять же, натяжка эта вполне допустима в рамках художественного произведения.

Посланные к князю католические монахи пытались убедить Ярославича последовать их советам, указывая на «пример благой» Ярослава Владимировича, «Пскова князя», который принял католичество. На это следует возмущенный ответ Александра: «Князь тот — враг отца моего! Ярослав… Русскую землю он предал. Примеру его я не последую!». Чуть позже в разговоре с сыном тот самый Ярослав произносит следующую фразу: «А князь Ярослав, отец Александра меня княжества Псковского лишил заживо, в темнице гноил, я чудом спасся». Кем же был в реальности этот князь-изменник?

Ярослав Владимирович принадлежал к ветви смоленских князей, потомков внука Владимира Мономаха Ростислава Мстиславича. Его отец — Владимир Мстиславич — будучи князем псковским, принимал участие в Липицкой битве 1216 г., причем, выступал на стороне Константина Всеволодовича и своего родного брата Мстислава Удалого, а одним из их главных противников, наряду с великим князем Юрием Всеволодовичем, являлся Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского. Еще до этого Владимир Мстиславич выдал замуж одну из своих дочерей замуж за Теодориха — брата епископа Рижского Альберта. В определенные моменты своего жизненного пути он имел он неплохие отношения с немецкими рыцарями.

Сам Ярослав Владимирович боролся за Псков, вероятно, считая себя ущемленным. Борьбу эту он вел, в том числе, опираясь на силы Ордена [См.: 3]. В 1233 г. он даже сумел захватить Изборск вместе с некоторыми сторонниками из числа новгородцев (летописная «Борисова чадь»), но эта попытка завершилась крахом, а сам Ярослав Владимирович действительно оказался в плену, был заточен и отправлен в Переяславль [21. С. 72, 282]. Но из заключения ему все же удалось выбраться. Видимо, накопленная злоба и заставила его в критическом для Руси 1240 г. совершить предательство и стать союзником немцев, оказав им помощь в овладение Изборском и Псковом [21. С. 77, 294]. Есть данные, позволяющие предположить и то, что он в действительности, как утверждается в фильме, принял католичество [3]. Хотя в последующие годы, уже после поражения рыцарей на льду Чудского

озера он вернулся на Русь, и даже сумел наладить отношения с Александром, получив в управление Торжок [см.: 21. С. 79, 304].

О сыне Ярослава Владимировича, доводившемуся Александру Невскому через мать, дочь Мстислава Удалого, троюродным братом, известно очень не много. Не установлено точно его имя. Его нравственный облик характеризуют то, что он был повинен в убийстве собственной мачехи — Ефросиньи (дочь Полоцкого князя Рогволода), тело которой было перевезено для погребения в один из монастырей Пскова [см. 21. С. 79, 297]. В общем, создатели фильма имели полную возможность подойти к биографии этого человека творчески и сделать его злодеем.

Те же послы Рижского епископа, что предлагали Александру обратиться «в истинную веру» по сценарию выходят на связь с новгородскими боярами, замыслившими предательство. Это тоже допустимое предположение, особенно если учесть то, что, как говорилось выше, послы в те далекие времена нередко сочетали свои основные задачи с разведывательными функциями. Правда, это было не участие в заговорах, а простое выяснение обстановки, изучение потенциального противника, его слабых и сильных качеств.

События в фильме тем временем развиваются необыкновенно динамично. Александр узнает, о том, что время похорон мясника, разделывавшего тушу медведя, якобы убитого Ратмиром, обнаружен наконечник стрелы. Становится ясным то, что, в общем-то, было очевидно с самого начала: рассказ об «охоте» на медведя с засопожным ножом — не более чем вымысел, изначально нужно было придумать что-нибудь более оригинальное. Это же событие говорит о том, что со времени свадьбы князя (подчеркнем, брак Ярославича, согласно летописным данным, был заключен в 1239 г.) прошло совсем не много времени, не более нескольких дней (трудно предположить, что тело погибшего мясника придали погребению намного позже). В этот срок умещается и сама свадьба, и бегство и возвращение Ратмира, и аудиенция послов у князя, и их же свидание с боярами-предателями. Такая динамичность приводит к тому, что вымысла становится больше и каких-то реальных, сколько-нибудь строго подтвержденных источниками событий от сцены свадьбы до дозора Пелгусия искать практически бессмысленно. Обремененный историческим образованием человек может в этой части картины просто наслаждаться ее просмотром и постараться понять, чем вызвано введение в фильм тех или иных сцен.

Нельзя не обратить внимания на монолог подкупленного предателями придурковатого «певуна» Корнилия, агитировавшего в некоем «питейном заведении» против Александра, несмотря на призывы «публики» спеть что-нибудь «про девок»: «Я скажу вам, новгородцы, лучше князя инородцы. Князя нового дадут, град в порядок приведут. И не будет блох и вшей, ну а старого — взашей». Невольно напрашиваются аналогии с событиями более близкими к современности, когда уверения о том, что «Запад нам поможет» сладко баюкали сознание сограждан и в итоге чуть не привели страну к катастрофе. Наверное, создатели картины предвидели возникновение подобного рода ассоциаций, и сознательно старались задеть зрителя «за живое».

В летописи возможно найти некоторые аналогии обстоятельств убийства Корнилия. Правда связаны они с другими событиями и другими эпохами. В 1071 г. князь Глеб Святославич также в Новгороде, желая доказать народу ложность призывов волхва-колдуна, предложил последнему предсказать судьбу самому себе на ближайшее время, а вслед за тем поразил его топором [20. Стб. 180–181]. Подобным же образом в том же 1071 г. поступил с другими волхвами, агитировавшими народ на реке Шексна, боярин сына Ярослава Мудрого Святослава Ян Вышатич [20. Стб. 175–178]. К сказанному можно добавить,

что у нас нет уверенности относительно существования в Новгороде XIII в. «питейных домов», в одном из которых «пел» свои «куплеты» Корнилий.

После «окончательно разоблачения» горе-охотника на медведя перед зрителем проходит «монгольский» сюжет. Это семьдесят третья минута фильма. На протяжении всего предыдущего времени существует интрига. Дело в том, что в общем-то ясно чем завершится западное направление борьбы князя Александра: исход Невского сражения заранее известен и сложился он, слава Богу, в пользу Ярославича. Труднее с ордынским направлением. Ведь по отношению к ханской власти князь вынужден был придерживаться иной политической линии. Часто это ему даже ставится в вину: почему, дескать, он не поверил обещаниям Запада не заключил договор с ним, и не дал повода сильнейшей на тот момент армии мира, созданной Чингиз-ханом, не превратить Русь в груду развалин, но и лишить ее суверенитета, как это было сделано с волжскими болгарами, половцами и другими народами. В этой связи особенно интересно было узнать, как же вышел из положения режиссер, каково его видение данной проблемы. Скатится ли он к «разоблачительству» национального героя России, ставшему стараниями ищущих легкой славы дилетантов и вовремя «перестроившихся» историков, отрабатывающих полученные от Запада гранты, столь модным на исходе XX столетия. Или, напротив, вопреки исторической правде линия сюжета пойдет по ура-патриотическому направлению, и зрителя станут убеждать в том, что Ярославичу удалось перехитрить, или, что еще хуже и смешнее, победить монголов. Возможен был и третий, «средний» вариант, при котором этот деликатный момент останется за кадром. К счастью всех этих соблазнов создателям картины удалось избежать.

После просмотра сцены беседы Александра с ордынским послом у увлеченного зрителя остается впечатление, что *если* и имели в ту пору переговоры князя с татарами, то проходили они именно так, как представлено в фильме. Но в том-то и дело, что их в ту пору скорее всего не было. В 1239–1240-х гг. Бату-хана занимало не установление системы взимания дани, а завоевательные войны. Еще не была полностью покорена Южная Русь (Киев пал лишь в декабре 1240 г.), не начат поход в Европу, к «последнему морю». Потому едва ли его послы добрались уже тогда до Волховской столицы. Но тем не менее, сюжет с их появлением оправдан, он позволяет уяснить суть политики Александра по отношению к Орде: вызванная необходимостью покорность при соблюдении собственных, то есть русских интересов.

Задушевная, даже почти панибратская беседа Ярославича с ханским послом заставляет вспомнить о версии Л. Н. Гумилева о возможном побратимстве Александра Невского с сыном Бату-хана Сартаком. Кстати, несмотря на то, что в источниках нет данных о конкретном факте — побратимстве Невского героя с одним из потомков Чингиз-хана, в принципе подобное событие — братание русского князя и знатного монгола, вполне могло иметь место [12. С. 138–141].

Важно и то, что в будущем Ярославичу действительно придется улаживать противоречия между требованием монгольского посольства произвести перепись населения Волховской метрополии, подкрепленным угрозой тотального опустошения, и нежеланием самих новгородцев «дать число». Но будет это много позже, в 1259 г. (О коллизиях 1257—1259 гг., связанных с проведением переписи в Новгороде, см. подробно: [11. С. 181–205].)

Между тем, зритель становится свидетелем военного совета, проходящего в шведском замке. На нем присутствуют Ульф Фаси, Биргер и прежний мнимый медвежий убийца князь Святослав, который на самом деле оказался Дмитрием, сыном Ярослава Владимировича. Излагается стратегия будущей войны с Новгородской землей: «Здесь,

где Ижора впадает в Неву, создадим первый опорный пункт, хорошо укрепимся, далее вверх по реке… Ладога. Вот крепость, которой очень важно овладеть. Оттуда прямой путь к Новгороду». Все это соотносится с предположениями, высказанными по данному поводу учеными-историками. Хотя полное согласие здесь отсутствует.

Одни полагают, что планировался захват побережья Невы, а в случае полного успеха, и всех земель Новгорода [30. С. 17; 31. С. 64]. Это согласуется с летописью: Новгородская Первая летопись говорит, что шведы ставили себе задачей захват Ладоги и Новгорода со всей его землей [21. С. 77, 291].

Другие видят целью экспедиции Ладогу, напоминая о попытке шведов овладеть этой крепостью в 1164 г. [32. С. 119–120; 33. С. 32]. Третьи считают, что на этот раз «свеи» лишь хотели построить опорный пункт в устье Ижоры. Не случайно князь узнал от разведчиков о том, что враг сооружает «станы и обрытья» [16. С. 57; 13. С. 24; 14. С. 132–133]. (Согласна с В. А. Кучкиным и Е. Л. Назарова [19. С. 198–199].) В пользу этого мнения можно добавить и то, что строительство укрепленных поселений в покоренных землях — основа стратегии шведов в то время [24. С. 12]. Но и на эти доводы приводились возражения. В частности, А. Н. Кирпичников утверждает, что в тот период шведы еще не строили крепостей в захваченных русских землях (первый такой случай имел место в 1256 г.). В 1240 г. целью агрессии были русские укрепления, например, город Ладога. «Обрытья», считает ученый, означает окружение себя рвом, временное окапывание [9. С. 31, 40, 41]. «Шведский поход на Северо-Западную Русь был задуман с далеко идущими захватническими целями», — пишет А. Н. Кирпичников в другой работе [10. С. 24]. В общем, полной ясности по данному вопросу нет. В тоже время очевидно, что сценарист знаком с основными точками зрения на данную проблему. И его взгляд на нее имеет под собой некоторые основания.

Нельзя не сказать и об одном казусе, а именно о том, что совершенно неправильно изображено в фильме управление Новгородской землей, к которой, кстати говоря, использованный в фильме термин «княжество», на наш взгляд, не очень-то применим. Все судьбоносные вопросы, касающиеся важнейших аспектов политики Волховской столицы, решало вече. Его, а вовсе не княжеское, решение было «истиной в последней инстанции». На структуру новгородского веча существует две основных точки зрения. В нем видят либо собрание всех свободных граждан Новгорода (И. Я. Фроянов), либо одних лишь наиболее влиятельных бояр, на которых простой народ мог воздействовать криками (В. Л. Янин). В любом случае, это достаточно многолюдное, и представительное мероприятие, и вообразить, что его замещает некий сход в каком-либо помещении, при участи пары-тройки десятков человек, просто невозможно. Потому ошибкой является то, что в картине совершенно отсутствует вече. Это особенно заметно в сюжете, связанном с выражением недоверия князю, когда бояре бросают в лицо Ярославичу обвинение в убийстве без должного разбирательства двух их собратьев. Может быть, это даже самая грубая ошибка, допущенная в фильме.

Между тем, начиная с восемьдесят пятой минуты действие фильма развивается почти строго по Житию Александра. Есть в нем сведения и о дозоре Пелгусия, заметившего вражеские корабли на Неве, и о выступлении князя против врага лишь с наличными силами, не дожидаясь помощи от отца, которого герой фильма Гаврило Олексич почему-то именует Ярославом Вячеславичем (правильно — Всеволодович), молитва же князя практически буквально повторяет изложенные на современном языке слова из Жития, также дословно повторяется рассказ Пелгусия о видении ему святых Бориса и Глеба, и запрет Александра рассказывать до поры кому-либо об этом.

В нашем распоряжении очень мало сведений о самой битве на берегах Ижоры и Невы. Содержатся они опять-таки в Житии Александра и в летописи. Некоторые из них были использованы в фильме. И прежде всего, это участие в сражении реальных исторических персонажей: Сбыслава Якуновича, который, «не имея страха в сердцы своем», «бьяшется единем топоромъ», Ратмира, сражавшегося пешим и погибшего от ран, нанесенных ему обступившими со всех сторон врагами, новгородцев Миши и Гаврилы Олексича, Якова Полочанина. Не удалось заметить среди сражавшихся воинов Савву, но здесь вообще легко ошибиться, так как эпизод сражения слишком уж динамичен. Имеется в Житие указание и на то, что князь лично дрался с предводителем шведов: «самому королю възложи печать на лице острымь своим копиемь».

Заканчивая обзор, посвященный фильму «Александр. Невская битва», скажем несколько слов о временном выстраивании сюжета. Представляется, что в данном случае имеют место некоторые несоответствия. Приглядимся повнимательней к хронологии картины. Андреас фон Вильвен попадает в Новгород 1239 г., причем очевидно, что действие происходит летом. Затем рыцарь отправился в Швецию, встретился с королем, передал перчатку, которая должна стать условным знаком для бояр-предателей. В том же 1239 г. два католических монаха оказываются на берегах Волхова. (О том, что речь опять-таки идет именно о 1239 г., свидетельствует наконечник стрелы, найденный во время похорон мясника, а убили его сразу после исчезновения Ратмира и свадьбы, которая, как мы помним, состоялась именно в том году.) Причем, судя по зеленым деревьям в кадре и хорошей, солнечной погоде, все снова происходит летом. Таким образом, получается, что в течение одного летнего сезона рыцарь из Новгорода доехал до Швеции, попутно он успел спланировать и осуществить интригу с лже-князем из Торжка и убитым стрелой медведем, а затем оттуда же из Швеции успели прибыть два монаха-шпиона. Для средних веков скорость несколько высоковатая.

Подводя итог вышеизложенному, подчеркнем, что фильм оставляет благоприятное впечатление. В нем нет грубого вымысла, не согласующегося с историческими реалиями. Он патриотичен, и это прекрасно, что бы не говорили по этому поводу разного рода деятели ура-либерального направления. Вообще, на протяжении всего просмотра складывается впечатление, что режиссер старался представить Ярославича благочестивым и нравственным человеком. Он цитирует наизусть Писание, честен и смел. Поспорить с таким взглядом невозможно. Именно таким и был наш великий предок и национальный герой Александр Невский.

Литература

1. *Бегунов Ю. К.* Александр Невский и русская государственность // Князь Александр Невский. Матер. науч.-практ. конф. 1989 и 1994 гг. / отв. ред. Ю. К. Бегунов и А. Н. Кирпичников. СПб., 1995.

2. *Бегунов Ю. К., Клейненберг И. Э., Шаскольский И. П.* Письменные источники о Ледовом побоище. Старшая Ливонская рифмованная хроника. О магистре. URL: http://livonia. narod. ru/research/ice_battle/comment_v. htm.

3. *Бегунов Ю. К., Клейненберг И. Э., Шаскольский И. П.* Письменные источники о Ледовом побоище. Старшая Ливонская рифмованная хроника. Комментарий. О князе Герпольте. URL: http://livonia. narod. ru/research/ice_battle/comment_b. htm.

4. *Валеров А. В.* Новгород и Псков. Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV вв. СПб., 2004.

5. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992.

6. *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.). М., 2000.

7. *Дубов И. В.* Роль исторической и культурной среды в формировании личности Александра Невского // Князь Александр Невский. Материалы научно-практических конференций 1989 и 1994 гг. / отв. ред. Ю. К. Бегунов и А. Н. Кирпичников. СПб., 1995.

8. Житие Александра Невского. Первая редакция. 1280-е гг. // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / под ред. Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. СПб., 1995.

9. *Кирпичников А. Н.* Две великих битвы Александра Невского // Александр Невский и история России: матер. науч.-практ. конф. 26–28 сентября 1995 г. Новгород, 1996.

10. *Кирпичников А. Н.* Невская битва 1240 г. и ее тактические особенности // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / под ред. Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. СПб., 1995.

11. *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 2003.

12. *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Александр Невский: эпоха и память. Исторические очерки. СПб., 2009.

13. *Кучкин В. А.* Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5.

14. *Кучкин В. А.* Борьба Александра Невского против Тевтонского ордена // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999.

15. *Кучкин В. А.* О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. 1986. № 2.

16. *Кучкин В. А.* Трудные годы Александра Невского // Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18–22 апреля 1994 г.: тез. докл. М., 1994.

17. *Линд Д. Г.* Некоторые соображения о Невской битве и ее значении // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / под ред. Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. СПб., 1995.

18. *Матузова В. И.* Роль Тевтонского ордена в осуществлении планов проникновения Римской курии на Русь // Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18–22 апреля 1994 г.: тез. докл. М., 1994.

19. *Назарова Е. Л.* Крестовый поход на Русь 1240 г. (организация и планы) // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999.

20. Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997.

21. Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. М., 2000.

22. *Рошко Г.* Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия. Послания Папы Римского Даниилу Галицкому и Александру Невскому // Символ. Paris, 1988. № 20.

23. *Соколов Ю. Ф.* Александр Невский: формирование личности и традиции // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / под ред. Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. СПб., 1995.

24. *Сорокин П. Е.* Страницы истории Ижорской земли. Усть-Ижора, 1993.

25. *Спивак Д. Л.* Северная столица. Метафизика Петербурга. СПб., 1998.

26. *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси 1200–1304. М., 1989.

27. *Фроянов И. Я.* Мятежный Новгород. Очерки истории и государственности социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992.

28. *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978.

29. *Шаскольский И. П.* Невская битва (к 750-летию) // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 1990 г. М., 1990.

30. *Шаскольский И. П.* Невская битва 1240 г. в свете данных современной науки // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / под ред. Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. СПб., 1995.

31. *Шаскольский И. П.* Сражение на Неве (к 750-летию) // Князь Александр Невский. Материалы научно-практических конференций 1989 и 1994 гг. / отв. ред. Ю. К. Бегунов и А. Н. Кирпичников. СПб., 1995.

32. *Шишов А. В.* Александр Невский. Ростов-на-Дону, 1999.

33. *Шишов А. В.* Полководческое искусство князя Александра Невского в Невской битве // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / под ред. Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. СПб., 1995.